

Питер Акройд: писатели сегодня разбогатели

В Москву приехал знаменитый английский писатель Питер Акройд. В рамках совместного проекта с журналом Esquire автор бестселлера «Лондон. Биография» должен создать письменный отчет о своей поездке из Москвы в Михайловское через Торжок и Старую Руссу. Русские поклонники много расспрашивали ПИТЕРА АКРОЙДА о предстоящем путешествии, но только АННЕ НАРИНСКОЙ он рассказал, что гонораром в £650 тыс. за книгу его уже не удивишь.

ИЛЬЯНТИНОВ

— Вы специалист по городам: написали «биографию» Лондона, приступаете к Венеции... Как вам Москва?

— Я практически ничего не успел увидеть, только прошелся по нескольким улицам в центре. У меня еще маловато впечатлений. Кроме одного (и, признаюсь, это разочарование) — скажите, почему у вас совершенно нет голубей?

— Голубей?

— Да, голубей. Почему на Красной площади совершенно нет голубей? Это меня очень удивило. Но кроме этого недоумения, никаких впечатлений, которыми стоит делиться, у меня нет.

— Тогда поговорим о Лондоне. Вашу книгу «Лондон. Биография» называют не просто бестселлером, а книгой-блокбастером.

— «Лондон» действительно очень хорошо продавался. Ведь эта книга — отчасти аттракцион. Особенно для лондонцев. Читая ее, они могут окунуться в жизнь своего города два-три века назад. Понятно, что чтение чисто исторических книг такого эффекта не создает. Но, по-моему, интересно здесь не то, что так хорошо продавалась конкретно эта книга, а что книги те-

перь вообще хорошо продаются. Что книги в моде. Что на книгах теперь можно делать деньги. В Лондоне никогда не было столько книжных магазинов, сколько сейчас. А вспомните, двадцать лет назад все пророчили скорую смерть книги. И вот вам пожалуйста — книги сегодня оказались востребованными больше, чем когда-либо. Во всяком случае, когда-либо на моей памяти. И вместо того чтобы окончательно пойти по миру, как было предсказано, писатели сегодня, можно сказать, разбогатели. Ну если не разбогатели, то, во всяком случае, могут спокойно жить, зарабатывая писательством, что двадцать-тридцать лет назад было практически невозможно.

— Вы получили £650 тыс. аванса за книги о Блейке и Диккенсе...

— Да, но это как раз было лет пятнадцать тому назад. Тогда эта сумма казалась огромной, теперь, наверное, она уже не так впечатляет.

— Возможно, люди стали снова интересоваться литературой, потому что она мало-помалу возвращается к тому, от чего, казалось, окончатель-

но ушла, — к рассказыванию историй про людей...

— Думаю, на свете нет человека, менее, чем я, подходящего для рассуждений о современной литературе; я ее практически не читаю и не знаю, что у них там происходит. Но при этом я, конечно, надеюсь, что у нас достаточно ума не растерять окончательно мастерство, которым обладали романисты XIX века, и мы будем так или иначе использовать их методы.

— Почему вы не читаете современную литературу? Вас не устраивает ее уровень?

— У меня просто на нее не хватает времени. Я и так все свое время трачу на чтение, я постоянно должен читать книги, необходимые для осуществления моих проектов.

— Вы называете ваши книги проектами? По-моему, сегодня проектами называются вещи, созданные не по зову сердца, а по зову рынка. Вам не кажется, что это слово себя скомпрометировало?

— Знаете что? Вы совершенно правы. Я никогда об этом не думал, для меня это слово имеет другое значение. Но сейчас, когда вы об этом сказали, я при-

знаю, что, наверное, зря его употребляю. Может, надо называть то, что я делаю, упражнениями? Или нет, главами. Ведь каждая книга, в сущности, глава в одном большом томе...

— Томе, который называется «Питер Акройд»?

— Да, и когда я умру, этот том будет закончен.

— Почему вы так поглощены прошлым? Такое впечатление, что современная жизнь вас совершенно не волнует.

— У меня самого такое же впечатление. Я думаю, у меня просто нет навыка интересоваться тем, что происходит здесь и сейчас. Для меня несравненно легче, к примеру, написать диалог, происходящий сто лет назад, чем диалог, происходящий сегодня. Скажу больше, для меня это куда более естественно. К тому же для любого писателя писать о сегодняшнем дне — значит писать о себе самом. А я совершенно не хочу писать о себе самом.

— И чтобы не писать о себе самом, вы придумали игру со временем?

— Может быть. Я, кажется, начал играть в эту игру первым. Это было еще в начале восьмидесятых. Тогда этот прием «скачка

из одного времени в другое» еще совершенно не был в моде. А сейчас все этим пользуются, это теперь такой инструмент для облегчения процесса производства художественной литературы. Хотя, впрочем, нет, самым первым был не я, а, по-моему, Джон Фаулз в «Женщине французского лейтенанта».

— Вы почти не выдумываете своих героев. Большинство из них существовало в реальности...

— Сам не пойму, почему у меня так выходит. Может, я просто очень хорошо умею придумывать персонажей... Или вот что — большинство персонажей, о которых я написал книги, Чаттертон, Оскар Уайльд например, все они уже мифологические персонажи, наподобие Ахилла или Гектора. Они — общественная собственность. Проникая в уже существующий миф, развивая его, куда легче привлечь интерес читателей, чем выдумав кого-то, им абсолютно неизвестного.

— То есть вас привлекает легкость этого пути?

— Да, такое объяснение представляет меня каким-то популистом. Но ничего другого вот так на ходу я выдумать не могу.